

7

ЭТА строчка из письма известного советского писателя своему другу, народному художнику Узбекской ССР Виктору Уфимцеву. Примечательна история этого неизвестного ранее широкому кругу читателей автографа.

Как-то, в один из приездов в Москву, Виктор Уфимцев навещал семью Всеволода Иванова. Сидели, пили чай, вспоминали о минувшем.

— Хотите, я прочту вам стихи? — предложил Виктор Иванович. И процитировал на память:

Облаков лохматых
бровь,
Брови камлющих
шаманов.
На снегах клянусь
я вновь
Птице каменных
туманов...

— Чьи? — в один голос спросили несколько человек. Виктор Иванович указал на смеющегося Всеволода.

— Он писал стихи? — удивились присутствующие.

Оказывается, действительно писал: под рукописью стоит подпись: «Всеволод Иванов-Тараканов». Это один из установленных, но малоизвестных псевдонимов писателя.

Стихи эти обнаружены в альбоме Уфимцева и как выяснилось позднее, написаны в 1921 году на одной из вечеринок.

Этот автограф, переписка друзей и другие материалы архива Виктора Уфимцева свидетельствуют о его давнишних и крепких дружеских связях с Всеволодом Ивановым.

— Я не помню точно, при каких обстоятельствах мы познакомились, — читаем мы в рукописных воспоминаниях художника. — Но наши первые встречи были в Омске в начале 20-х годов, где Всеволод Иванов работал в редакции.

В 1923 году весной Уфимцев впервые побывал в Москве. И здесь он снова встретился со своим сибирским другом, ставшим к тому времени уже известным писателем.

В годы Отечественной войны с декабря 1941 по 1942 год Всеволод Иванов жил в Ташкенте. Его квартира была на Дарханарыке, а квартиры Уфимцевых — в старом городе на улице Учки. Но, несмотря на расстояние, друзья встречались довольно часто.

Эта дружба продолжалась и после отъезда В. Иванова. Свидетельство тому — десятки писем, обнаруженных в архиве художника.

Всеволод Иванов пишет в них о Москве, о своей жизни, о планах, обо всем, что пред-

ставляло для Уфимцева интерес. В частности, в одном из писем 1943 года Всеволод Иванов сообщал, что пишет роман «Сокровища Александра Македонского», навеянный пребыванием в Азии.

Снова встретиться с Всеволодом Ивановым Уфимцеву удалось только летом 1948 года. Писатель был в Ташкенте гостем Уфимцева. Художник показал ему

мексиканской выставке и выставке икон, организованной в связи с юбилеем Рублева в Третьяковке.

Последнее письмо Всеволода Иванова к Виктору Уфимцеву датировано 14 июня 1961 года. В нем писатель высказал мысль: «Почему бы не написать воспоминаний: Сибирь, молодость, Омск, а затем Средняя Азия с ее своеобразным укла-

«У деревянной водонепорной башни встретились два поезда. Башня недавно построена. Жалтые доски ее не успели еще сделаться серыми. Встречные поезда! В них деловитость, да, пожалуй, и весь смысл. Паровоз набирает воду...».

В свое время по этому маршруту путешествовал и Леонид Мартынов — известный советский поэт и друг ху-

• Неизвестное об известном

«НАПИШИ, БРАТ, «СОТВОРЕНИЕ МИРА»...»

свои новые работы, среди которых особое внимание писателя привлекла «Чайхана в Чигатае». Переписка друзей продолжалась.

Из писем 1960 года видно, что Всеволод Вячеславович снова собирался приехать в Ташкент и планировал прожить здесь дня три-четыре. Погулять по городу, съездить в Чимган.

В письме от 26 сентября 1960 года из Переделкино он писал:

«...На даче красивая золотая тихая осень, свежо и хорошо. В связи с толстовским юбилеем предложили мне поехать на неделю в Данию. Но я считаю, что в 65 лет даже и заграничные поездки надо делать с выбором: и я отказался.

Скоро, по-видимому, примусь за работу. Да и из твоей мастерской чувствую запах краски. Напиши, брат, «Сотворение мира», что-то его давно никто не писал: а тема куда как серьезная».

В другом письме Всеволод сообщал Уфимцеву о двух художественных чудах в Москве:

дом. Куда как хорошо! Пиши, дружище!».

В. И. Уфимцев, воспользовавшись добрым советом, собрал и написал воспоминания, систематизировал свой архив. Вот, например, как отзывается В. И. Уфимцев о Турксибе тридцати годов: «Турксиб для меня — не только железнодорожная линия. Турксиб — целая страна! Она тянула к себе давно, когда и названия «Турксиб» еще не существовало...».

В дневнике художника сохранилась такая запись об этом путешествии: «Проехали аул. Встретили верблюдов. Он бежит от поезда серый, как пыль Семипалатинска... Станция Балхаш. Несколько новых железнодорожных зданий. У вагонов толпятся казахи. Предлагают кумыс и рыбу. Потом, отъехав от станции несколько километров, увидели балхашские заливы...».

Позже художником лаконично и убедительно был написан большой цикл «Турксиб». Сам художник об одном из этих пейзажей так написал:

дожника. В архиве Уфимцева недавно обнаружено его стихотворение о Балхаше, которое ранее никогда не печаталось:

Я помню зной того
степного края,
Безветрие
и дьявольскую сушь.
Я плелся по горбам
Торбагатая
И воду пил из теплых
мутных луж,
И в тех же лужах
я мочил отребья,
Чтоб хоть бы где
оставил мучать зной.
К тебе, Балхаш,
я пробирался степью,
И вот ты встал
зеленою стеной!
О, как грохочет вал,
встающий дыбом
На жирном
ослепительном песке,
Как хорошо плескаться
сонным рыбам,
Когда гроза грохочет
вдалеке.
Балхаш, к тебе я
пробирался степью,
Но это было много
лет назад.
Теперь по синему
великолепью
Меня промчит
звенящий аппарат.

О. АПУХТИН.

Фото автора.